

Текстовые функции категории лица в дневниковой прозе

Категория лица оказывается одновременно в компетенции разных филологических дисциплин: морфологии, синтаксиса предложения, грамматики текста. При классификации категорий с точки зрения плана содержания лицо относят к шифтерным, дейктическим категориям глагола, включают в состав предикативных категорий (вместе с наклонением и временем) или в состав согласовательных категорий (в соединении с родом и числом). При описании плана выражения этой категории рассматривают (1) только личные окончания глагола, (2) окончания глагола и именные (и/или местоименные) показатели; (3) окончания глагола, местоимения и «синтаксические нули» (значимое отсутствие аналитических показателей лица). Вопрос о системном статусе категории лица в уровневой грамматике также решается по-разному: ее понимают как категорию (1) уровня слова, (2) уровня предложения, (3) уровня текста. Таким образом в полном грамматическом описании категория лица оказывается распределенной между местоимением, морфологией глагола и коммуникативными категориями предложения - между словоизменением и семантикой, синтаксисом и прагматикой; см., например (Гак 2000).

В третьем томе «Теории функциональной грамматики» А.В. Бондарко предложил различать четыре функции категории лица: (1) собственно семантическую (дейктическую) – соотнесение участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта, (2) семантико-прагматическую - передача точки зрения говорящего на соотношение обозначаемой ситуации и ситуации речи, (3) структурно-синтаксическую – координация сказуемого и подлежащего, (4) семантико-структурную (анафорическую). Здесь же разграничиваются типы персонального дейксиса: конкретный (личный и предметный, неанафорический и анафорический, ситуативно актуализированный и ситуативно неактуализированный) и неконкретный (обобщенно-личный и неопределенно-личный) (ТФГ 1991: 7-8). ТФГ обобщила все знания, которые на тот период были накоплены в традиционной русской грамматике.

Разграничение в мыслимом пространстве трех сфер в соответствии с 3-мя способами участия в речевом акте значимо и для лексической семантики – для семантической классификации лексем. Лексическая **семантика** соотносит категорию лица с определенными классами предикатов и тем самым расширяет традиционные

словарные пометы типа «безл» или «нет 1-го, 2-го». Для грамматики это означает разграничение Я-/Он-/Оно-предложений (Ю.С. Степанов), для лексикографии - Я-/Он-глаголов; для Он-глаголам (*повадиться, выпендриваться, околачиваться* или *показаться, торчать, маячить*) отмечается невозможность употребляться в 1-м лице и ограничения в образовании повелительного наклонения (Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева).

Множество аспектов и множество интерпретаций породило множество терминов: *персональный дейксис* (Ю.Д. Апресян), *эгоцентрики* (Е.В. Падучева), *фокус эмпатии* (Т.В. Булыгина), *субъектная перспектива* (Н.К. Онипенко), *Я-дискурс* (И. Кубанов); с категорией лица были соотнесены и термины *авторизация* (Г.А. Золотова), *интимизация* (Л.А. Булаховский).

Ю.Д. Апресян в статье 1986 г. (Апресян 1995), рассматривая дейксис в лексике и грамматике, ввел понятие «личная сфера» (ср. «субъектная сфера» у В.В. Виноградова) и предложил говорить о «личной сфере говорящего» и «личной сфере героя». По мнению Ю.Д. Апресяна, эти понятия позволяют корректно интерпретировать не только употребление местоимений второго лица, но и семантику таких глаголов, как *гордиться, стыдиться*.

Функционально-текстовый аспект категории лица исследовался в стилистике художественной речи (поэтике). В **поэтике** категория лица соотносится с разграничением лирики и эпоса, лирической прозы и эпической прозы; текстовая сущность категории лица выявляется в связи категорией «образа автора» (см. Виноградов 1941; Виноградов 1971).

В теории повествования (**нарратологии**) категория лица давно стала основанием для разграничения типов повествования. Она имеет непосредственное отношение к таким понятиям, как *объективное* и *субъективное* повествование, *объективное авторское* и *субъективное авторское* повествование, *прямая речь персонажа*, *косвенная речь*, *несобственно-прямая речь* (или *несобственная прямая речь* у В.Н. Волошинова), *цитатное* повествование, *несобственно-авторское* повествование – эти понятия мы найдем у Н.А. Кожевниковой (Кожевникова 1994), у Л.А. Булаховского (Булаховский 1954) – *свободную косвенную речь*. Е.В. Падучева (вслед за МакХейлом) в книге 1996 г. использует термин *свободный косвенный дискурс* (СКД) (Падучева 1996: 204–214, 335–383).

Поэтика во второй половине XX в. сделала свой рывок в терминотворчестве, например, заменила понятия «повествование от 1-го лица» и «повествование от 3-го лица»

на *диегетическое* и *экзегетическое* (Е.В. Падучева)¹. Жерар Женетт предложил целую серию терминов для разграничения типов нарраторов, Вольф Шмид вступил с ним в полемику и, в свою очередь, предложил свои термины (Шмид 2003: 83, 90–95).

Обсуждая проблему разграничения фикционального и фактуального повествования, Ж. Женетт (1972) предлагает говорить о совпадении или несовпадении трех нарративных инстанций: автора – рассказчика – персонажа, предлагает комбинаторику трех субъектных сфер, которая дает пять «логически непротиворечивых фигур», при этом используется механизм именно грамматической категории лица (Женетт 1998: 398-399).

В литературе XX века обнаруживаются более сложные случаи, которые позволяют говорить о «местоименном головокружении, подчиненном более сложному понятию «личности». «Наиболее продвинутые формы этого раскрепощения, по-видимому, наименее уловимы, поскольку классические атрибуты персонажа – собственное имя, физический и нравственный «характер» - здесь исчезают, а вместе с ними и ориентиры для грамматического оформления» (Женетт 1998: 254-255).

После краткого обзора проблематики и терминологии категории лица обратимся к интерпретации дневниковой прозы, для которой характерно либо полное совпадение автора, рассказчика и персонажа (автобиография, или «фактуальное повествование», примером которого являются «Окаянные дни» И.А. Бунина), либо частичное совпадение субъекта модуса и субъекта диктума – рассказчик совпадает с персонажем, но не совпадает с автором («фикциональная автобиография» – дневник героя, к примеру, «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя). Основное внимание будет уделено «Запискам сумасшедшего» Н.В. Гоголя. Для сравнения будут анализироваться фрагменты из «Окаянных дней» – текста, на первый взгляд несопоставимого с гоголевским текстом, но основанного на том же противопоставлении Я пишущего и не-Я окружающей действительности (безумной, грубой, страшной).

Дневники принадлежат сфере «автокоммуникации», о которой М.Ю. Лотман писал так: «...в целом ряде других случаев мы имеем передачу сообщения от Я к Я. Это все случаи, когда человек обращается к самому себе, в частности те дневниковые записи, которые делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» (Лотман 1996: 25) Н.А. Кожевникова предлагает типологию повествования

---

¹ Традиционная терминология сохраняется в работах таких исследователей, как, например, Н.А. Кожевникова, Н.А. Николина и др.

от первого лица, видя суть в наличии/ отсутствии обращенности к читателю, слушателю (с. 14). Соответственно у Н.А. Кожевниковой три типа повествования от первого лица: 1) от лица конкретного рассказчика, обращенное к читателю; 2) от лица конкретного рассказчика, обращенное к слушателю; 3) от лица конкретного повествователя, не имеющее адресата («замкнутое в себе»).

Известно, что в дневниковой прозе, какой бы она ни была (фикциональной или фактуальной), преобладающим оказывается 1-е лицо, которое и обнаруживает совпадение героя и рассказчика (субъекта диктума и субъекта модуса). Это совпадение выражается (1) местоимением 1-го лица, (2) личными окончаниями глагола в формах настоящего и будущего времени, (3) отсутствием показателя субъекта («синтаксическим нулем») при глагольном или именном предикате как в настоящем-будущем, так и в прошедшем времени (см. также (Гак 2000: 635). Наиболее же частотной в повествовании формой глагола является прошедшее время (изъявительного наклонения), форма, в которой отсутствуют аффиксы лица, т.е. действуют не синтетические, а аналитические способы выражения этой категории.

Этот грамматический факт и стал основанием для одной литературоведческой интерпретации авторского замысла в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя – интерпретации, предложенной И. Кубановым в его книге «Пейзажи чувственности. Вариации и импровизации» (1999).

«Запискам сумасшедшего» в этой книге посвящен раздел, который называется «Грамматика и топология Я-дискурса», но грамматика в книге И. Кубанова понимается сугубо морфологически (одномерно), что не может не вызвать недоумения грамматиста.

Неверная исходная посылка приводит к некорректной интерпретации текста. Изменив исходную посылку и признав трехмерность грамматики, исследователь может предложить более адекватную интерпретацию художественного текста. Подтверждением тому будет вторая часть настоящей статьи.

Сначала несколько слов о работе И. Кубанова.

По жанру исследование И. Кубанова – это и не собственно критика, и не литературоведческий анализ (с учетом внешних обстоятельств написания текста, интертекстуальных связей и др.), и не собственно лингвистический анализ литературного произведения. Это попытка эссе, соединяющего элементы научного доказательства, субъективный взгляд и литературно-художественную стилистику. В истории русской культуры известны высокохудожественные образцы такого жанра вторичных текстов (текстов-интерпретаций), например, «Книги отражений» И. Анненского. Однако И. Анненский не выходил за пределы текстов Гоголя и не искал тех внетекстовых категорий,

через которые он будет интерпретировать, например, «Нос» Гоголя. И. Кубанов же, в отличие от И. Анненского, обращается к классической морфологии глагола и облакает стандартные грамматическими значения некими символическими смыслами. Представляется, что такое непосредственное, наивное использование грамматических понятий для интерпретации литературного текста нельзя признать научным.

Автор книги (И. Кубанов) исходит из того, что «высшая» степень понимания художественного, знакового объекта возможна через абстракцию высшей степени – для филологических наук такой абстракцией признаются грамматические категории.

Для интерпретации героя «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя И. Кубанов соединяет грамматические категории лица и времени, т.е. предлагает учитывать наличие/отсутствие аффиксов лица в формах настоящего/прошедшего времени, при этом прошедшее время понимается как сфера «без-ликого». И. Кубанов пишет: «Будучи введенным в глагольную форму прошедшего времени, «Я» приобретает оттенок опосредованности, отстраненности от самого себя. Раскачивая маятник личного (я) и без-личного/ без-ликого (он), имманентного и постороннего во всем, что выпало за рамки настоящего, упомянутая глагольная форма артикулирует близость и взаимоперетекание грамматических форм лица» (Кубанов 1999: 144); «Я», повествующее о своем прошлом, взрывает себя изнутри. Под видом «Я», на деле перетекающим в «Ты-Он» и в тенденции в «Оно», в дискурс вводятся монологически непереработанные куски и осколки внешних предметностей» (там же: 146).

Эти идеи И. Кубанова восходят к разграничению личной парадигмы на собственно-личные и не-личные формы, лицо и не-лицо, предложенному Э. Бенвенистом (Бенвенист 1974). Но для Бенвениста материалом исследования была прежде всего грамматика французского глагола¹.

Основная идея И. Кубанова состоит в следующем: местоимение я, соединяясь с формой прошедшего времени, нивелирующей сферу личности, обезличивает Я героя.

По мнению И. Кубанова, в тексте «Записок» есть две «временных фазы»: первая связана с департаментом, вторая – с лечебницей. Он считает, что чиновничья жизнь в первой части важнее личности самого Поприщина, во второй же фазе есть некое Я, а внешняя жизнь лишь какими-то фрагментами вторгается в бытие Я. «Стремнина» прошедшего времени сильнее в «первой фазе», во второй побеждает Я.

---

¹ Ср. также семантическую интерпретацию категории лица в грамматике французского языка (Гак 2000: 635-627), где система значений в рамках категории лица рассматривается как «постепенное обобщение и устранение представления о субъекте»: конкретно-личный субъект – совокупный – собирательный – неопределенно-личный – обобщенно-личный – неопределенно-указательный – устраняемый – бессубъектность (безличность).

И. Кубанова интересует соотношение между мыслящим и говорящим субъектом и окружающей его реальностью. Поскольку реальность враждебна Поприщину, как бы «безлична», бездушна, то наличие форм прошедшего времени интерпретируется И. Кубановым как враждебная «стремнина, раздваивающая «Я».

Во «второй временной фазе» повести, с точки зрения И. Кубанова, формы прошедшего времени уходят на второй план, вытесняясь формами настоящего времени и ирреальными наклонениями. Соответственно сюжет повести интерпретируется так: от обезличенного Я к индивидуальному, т.е. как победа человеческой личности над обезличенным, вещным миром чиновничества.

Идеи И. Кубанова можно обобщить в виде таблицы 1.

Таблица 1.

Лицо	Я (лицо)	Они (не-лицо)
Время		
Настоящее	Личность	Не-личность, вещьность
Прошедшее	Не-личность, вещьность, Оно	

Нельзя не согласиться с исходной посылкой И. Кубанова, что личные окончания в формах прошедшего времени отсутствуют. Но это не означает, что в предложениях с глаголом прошедшего времени не работает категория лица.

К сожалению, И. Кубанову неизвестно, что категория лица выражается не только аффиксально, но и при помощи местоимений (не только синтетически, но и аналитически): не глагольная форма уточняет значение местоимения («засасывает» лицо), а местоимение уточняет глагольную форму, выражает предикативную категорию лица, т.е. соотносит данное предложение с Я говорящего. Наличие местоимения Я в предложении с глаголом в прошедшем времени означает, что субъект действия и субъект речи – разные временные инстанции одной личности; расстояние между этими временными инстанциями может быть очень велико, так что можно говорить о разных личностях, но не о безличности того, кто принадлежит прошлому: сфера 3-го лица (если считать, что прошедшее время подчинено режиму 3-го лица) населена личностями, одни из которых стоят ближе к Я говорящего, другие – дальше.

Более тонкий грамматический анализ текста предполагает не прямое использование морфологически понятых морфологических категорий, а их грамматическое переосмысление на уровне текста, т.е. формирование текстовых

категорий, а не простую проекцию морфологии на текст. Такие категории разработаны в рамках концепции Коммуникативной грамматики. Это

- (1) модель субъектной перспективы,
- (2) понятие коммуникативного регистра речи,
- (3) таксис как механизм межпредикативных отношений в тексте (Золотова и др.2004).

Субъектная перспектива – это ось, которая соединяет сферы субъектов диктума (действующего или воздействующего) и субъектов модуса (мыслящего и / или говорящего). Таким образом, полная субъектная перспектива состоит из пяти субъектных ипостасей (пятой будет адресат речи), а модусная сфера делится на того, кто воспринимает происходящее, и того, кто транслирует информацию (в терминологии Е.В. Падучевой – «субъекта сознания» и «субъекта речи»).

Если в тексте нет рассказчика, то сфера субъекта сознания не имеет постоянного владельца: претендентом на эту сферу может быть и автор, и герой (ср. рассуждения А. Битова в его романе «Пушкинский дом» о соглядатайстве автора).

Каноническая ситуация для повествовательного текста – это ситуация 3-го лица, предполагающего дистанцию между субъектом речи и субъектом действия. Однако известно, что и 3-е лицо может осмысливаться изнутри, т.е. в режиме 1-го лица (ср., например, 3-е лицо в «Вешних водах» Тургенева, которое прочитывается как 1-е лицо, т.е. обнаруживает точку зрения самого героя, или 3-е лицо в стихотворении А. Блока «Одиночество»).

В текстах *Ich-Erzählung* субъект действия и субъект речи соединяются в рамках одной личности, что осложняет интерпретацию текста.

О трудностях интерпретации различных ипостасей *Я* писал Густав Шпет в работе 1916 г. (Шпет 1994): «К числу омонимов, играющих видную роль в философских теориях, относится термин *Я*». По-видимому, стоит признать, что омонимия создается не только разными значениями слова «субъект», но и разными языковыми способами выражения категории лица.

Если воспользоваться принципом таблицы, то соотношение субъектных сфер можно представить таким образом:

Таблица 2.

Лицо	Я	Он, они
Время Настоящее	Субъект речи совпадает с субъектом сознания и с субъектом действия	Субъект речи (он же обычно субъект сознания) не совпадает с субъектом действия
Прошедшее	Субъект речи не совпадает с субъектом сознания, но субъект сознания совпадает (обычно) с субъектом действия	Субъект речи не совпадает с субъектом сознания и субъектом действия <u>При действии эгоцентрических средств субъект сознания может совпадать с субъектом действия</u>

Современные исследования показали, что прошедшее время многомерно, что и в нем взаимодействуют субъект диктума (герой) и субъект модуса, но не субъект речи, а субъект сознания, см. (Золотова и др. 2004, 232-251). В рамках прошедшего времени возможны две комбинации: (1) субъект сознания (он же субъект речи, обычно это автор, повествователь, рассказчик) не совпадает с субъектом действия (героем); (2) субъект сознания (герой) совпадает с субъектом действия (героем); ср. с комбинаторикой субъектных ипостасей по Ж. Женнету (Женетт 1998).

Благодаря раздвоенности модуса (субъект речи и субъект сознания)² дистанция между *Я* действующим и *Я* говорящим, выражаемая глаголом прошедшего времени, может сокращаться. Субъект сознания имеет возможность сближаться с субъектом действия, иными словами, мы можем воспринимать прошлое, как бы присутствуя в том времени, т.е. разделять себя на говорящего *сейчас* и чувствующего *тогда*.

Докажем это анализом конкретного текстового фрагмента (из «Записок сумасшедшего»), принадлежащего сфере прошедшего:

Она поглядела на меня, на книги и уронила платок. Я кинулся со всех ног, подскользнулся на проклятом паркете и чуть-чуть не расклеил носа, однако ж удержался и достал платок. Святые, какой платок! тончайший, батистовый – амбра, совершенная амбра! так и дышит от него генеральством. Она поблагодарила и чуть-чуть усмехнулась, так что сахарные губки ее почти не тронулись, и после этого ушла.

Вся сцена принадлежит прошлому, т.е. тому, что происходило в первой половине дня (среды 4 октября). В этом фрагменте соединяются предложения с глаголами

² Разграничение двух частей этой клетки можно представить в терминологии Б.А. Успенского как разграничение внешней и внутренней точки зрения (Успенский 1970), а в терминологии Е.В. Падучевой – речевой и нарративный режим интерпретации (Падучева 1996).

прошедшего времени и предложения с предикатами настоящего времени (выделенными подчеркиваниями). Глаголы прошедшего времени в аористивной функции передают динамику событий, предикаты же настоящего времени в имперфективной функции передают ощущения Поприщина, которые были испытаны в момент прошлого, но сохраняются до сих пор (до времени написания дневника). (Если бы весь фрагмент подавался с позиций повествователя, в 3-м лице, то выделенные предложения интерпретировались бы как несобственно-прямая речь героя, которая принадлежит времени переживания, а не времени писания дневника.) Различие во временных формах связано не только с динамикой и статикой предикатов, но и с перемещением субъекта модуса во времени.

Если говорить о соединении прошедшего и настоящего (или будущего в значении настоящего), то нередко Поприщин использует такое соединение, чтобы в своем сознании «переиграть» прошлое и восстановить попорченную личность:

Один раз одна из этих бестий вздумала меня, не вставая с места, потчевать табачком. Да знаешь ли ты, глупый холоп, что я чиновник, я благородного происхождения. Однако ж я взял шляпу и надел сам на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадут, и вышел.

Подчеркнутый фрагмент представляет собой возможную в той ситуации, но не произнесенную Поприщиным реплику, при помощи которой он должен был бы поставить на место лакея. Союзное соединение *однако ж* мысль и действие, следовательно, прошлому принадлежит не только действие, но и фраза, выражающая внутреннее возмущение героя. (ср. в «Окаянных годах» Бунина: *Вчера поздно вечером, вместе с «комиссаром» нашего дома, явились измерять в длину, ширину и высоту все наши комнаты «на предмет уплотнения пролетариатом». Все комнаты всего города измеряют, проклятые обезьяны, остервенело катающие чурбан! Я не проронил ни слова, молча лежал на диване, пока мерили у меня...* - то же композиционное соединение: чужие отрицательно оцениваемые действия – эмоциональная реакция пишущего, и отсутствие внешней реакции пишущего.

Может показаться, что эти примеры только подтверждают гипотезу И. Кубанова о том, что формы прошедшего времени «обезличивают» Я Поприщина, а в формах настоящего времени Я обретает свою самооценку. Но это не так. Поприщин знает цену и себе в прошлом. Рассказывая о событиях прошедшего дня, говорит обо всем свысока. См. фрагмент из записи от 3 октября:

*Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождик. На улицах не **было** никого; одни только бабы, накрывшись полами платья, да русские купцы*

под зонтиками, да курьеры **попадались** мне на глаза. Из благородных только наш брат чиновник **попался** мне. Я **увидел** его на перекрестке. Я, как **увидел** его, тотчас **сказал** себе: «Эге! нет, голубчик, ты не в департамент идешь, ты спешишь вон за тою, что бежит впереди и глядишь на ее ножки!». Что за бестия наш брат чиновник! Ей-богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит. Когда я **думал** это, увидел **подъехавшую** карету к магазину, мимо которого я **проходил**. Я сейчас **узнал** ее: это **была** карета нашего директора. «Но ему зачем в магазин, - я **подумал**, - верно, это его дочка». Я **прижался** к стенке. Лакей отворил дверцы, и она выпорхнула из кареты, как птичка. Как взглянула она направо и налево, как мелькнула своими бровями и глазами... Господи, боже мой! **пропал** я, **пропал** совсем. И зачем ей выезжать в такую дождевую пору. Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок.

В этом отрывке Я, соединяясь с глаголами в форме прошедшего времени, не теряет свой значимости и индивидуальности, поскольку прошлому принадлежит не только Я как субъект действия (*надел, взял, прижался*), но и Я как субъект сознания (*увидел, сказал, подумал, узнал*). Особый интерес в этом отношении представляет собой дважды повторенный глагол *пропал*, который не выражает действия, законченного в прошлом, но обозначает состояние, сохраняющееся до момента речи (и длящееся почти до конца сюжетного времени). Интересно и другое, мысли героя по поводу излагаемых событий принадлежат не настоящему времени пишущего Поприщина, а Поприщину, стоявшему на Невском проспекте: прямая речь, адресованная самому себе и обращенная к пробежавшему мимо чиновнику переходит в мысли героя: *Что за бестия наш брат чиновник! Ей-богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит.*), локализованные во времени действий: *...непременно зацепит. Когда я думал это, увидел...* Утренним событиям, а значит, прошлому принадлежат и междометия (*эге! Ей-богу, Господи, боже мой!*). Поприщин заново переживает утреннее происшествие, на что и указывают эти междометия. Временной дистанции между субъектом действующим, чувствующим и субъектом пишущим не ощущается.

Временная дистанция между двумя модусными ипостасями Я выражается вводными словами, например, вводным *признаюсь* (которое в записи от 3-го октября употреблено 4 раза): *Признаюсь, я очень удивился, услышав ее говорящую по-человечески <...>; Но, признаюсь, я гораздо более удивился, когда Меджи сказала <...>.* Вводное слово соотнесено со временем пишущего, а эмотивные глаголы принадлежат прошлому. В другом примере (*Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал*) вводное *признаюсь* соединено

с предикатами в настоящем узуальном. Но и при этом морфологическом совпадении глагольных форм дистанция между двумя ипостасями Я сохраняется: вводное слово соотнесено с Я субъекта модуса, а *начинаю слышать и видеть* с субъектом диктума (субъектом качества).

Если вспомнить деление категории лица (по Э. Бенвенисту) на «лицо», соотнесенное со сферой модуса, и «не-лицо», принадлежащее сфере диктума, то следует признать, что модусные предикаты (представляющие Я как субъекта сознания) и в прошедшем времени представляют сферу собственно личную, несмотря на отсутствие аффиксов лица. В записи от 3 октября мы встретим соединение форм прошедшего и настоящего времени: *Не успел я **пробыть** минуту, как вдруг слышу тоненький голосок: «Здравствуй, Меджи!» Вот тебе на! Кто это говорит? Я обсмотрелся и увидел под зонтиком шедших двух дам<...> .* Исходя из основной идеи И. Кабанова, пришлось бы признать, что Я слышу более лично, чем Я увидел. В данном случае оба ментальных глагола таксисно соотнесены с другим глагольным предикатом, выбор временной формы зависит от вида глагола: совершенный вид в таких связках употребляется в форме прошедшего времени (*обернулся и увидел*), несовершенный вид – в форме настоящего времени; ср.: *Обсмотрелся и вижу...; взглянул на дорогу и вижу*; но не: **Обсмотрелся и видел*).

Я с модусным (ментальным) предикатом (в любом времени) соединяет настоящее с прошедшим и прочитывается в высшей степени индивидуально; см., например: *Да, я **знал**: у них политический взгляд на все предметы<...> ; О, это большой честолюбец! это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и эдаким, но я тотчас **заметил**, что он масон<...> - ‘знал и продолжаю знать’, ‘заметил и до сих пор убежден в этом’, что принято называть перфектом.*

И это свойство перфективных видо-временных форм ментальных глаголов вполне соответствует их системной предназначенности и употреблению в текстах других авторов дневниковой прозы. См., например, у Бунина в «Окаянных днях»: *После обеда гуляли. Одесса **надоела** невыразимо, тоска просто пожирает меня. И никакими силами никуда не выскочишь отсюда! По горизонтам стояли мрачные синие тучи...; Проснувшись, как-то особенно ясно, трезво и с ужасом **понял**, что я просто погибаю от этой жизни и физически и душевно.* Перфективные модусные предикаты соединяются с предикатами в настоящем времени: *заметил, что он масон...; понял, что погибаю...*

Ср. также запись от 6-го ноября, которая начинается предложением «Разбесил начальник отделения». После отповеди, полученной Поприциным от начальника отделения, идет фрагмент воображаемого ответа, в котором Поприцин не только

объясняет причину неудовольствия начальника (зависть начальника), но и реабилитирует самого себя в собственных глазах, говоря:

Черт возьми, что у него лицо похоже несколько на аптекарский пузырек, да на голове клочок волос, завитый хохолком, да держит ее кверху, да примазывает какую-то розеткою, так уже думает, что ему только одному все можно. ... Погоди, приятель, будем и мы полковником, а может быть, если Бог даст, то чем-нибудь и побольше. Заведем и мы себе репутацию еще и получше твоей.

Возвращаясь к интерпретации И. Кубанова, отметим, что в «Записках сумасшедшего» события, организующие сюжет, представлены формами прошедшего времени, а вся фоновая информация – настоящим временем (или будущим в значении настоящего постоянного). Ср. запись от 8-го ноября: *Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся...; Очень забавные пьесы пишут нынче сочинители. Я люблю бывать в театре. Как только грош заведется в кармане – никак не утерпишь не пойти.*

Если мы обратимся к финальным записям («вторая временная фаза» по И. Кубанову), то обнаружим то же самое соотношение: формы прошедшего времени обозначают сюжетные события,двигающие время, а настоящее время либо выражает внесюжетную информацию (у *всякого петуха есть своя Испания*), либо прочитывается таксисно по отношению к сюжетным предикатам (...я ни слова. ...Я все молчу).

Сегодня великий инквизитор пришел в мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался под стул. Он, увидевши, что нет меня, начал звать. Сначала закричал: «Поприщин!» - я ни слова. Потом: «Аксентий Иванов! титулярный советник! дворянин!» Я все молчу. «Фердинанд VIII, король испанский!» Я хотел было высунуть голову, но после подумал... Однако же он увидел меня и выгнал палкою из-под стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочем, за все это вознаградило меня нынешнее открытие: я узнал, что у всякого петуха есть своя Испания, что она у него находится под перьями.

События (пришел, спрятался, начал звать, закричал, увидел, выгнал) образуют сюжет и выражаются глаголами совершенного вида в аористивной функции. Предложения *Я ни слова* и *Я все молчу* оформлены настоящим временем, поскольку выражают совпадение по времени с ожиданием «великого инквизитора». Форма прошедшего времени в предложении *Я узнал* фиксирует начальный момент «знания», которое принадлежит только Поприщину, т.е. выделяет его из среды всех, а не уравнивает и не обезличивает.

Последняя запись действительно не содержит форм прошедшего времени, поскольку нет внешних событий, а есть восприятие Поприциным воображаемой местности – содержание дается с точки зрения наблюдателя, как бы находящегося в тройке (средства репродуктивного регистра: *Вон небо клубится передо мной, звездочка сверкает вдали...*). В этом воображаемом мире он (Поприцин) прячется от тех, кто его гонит, обращается за помощью к матери.

Таким образом, соотношение форм прошедшего и настоящего времени подчиняется общим законам организации текстового времени, которые формируются в результате соединения трех временных осей: времени хронологического³, времени сюжетного и времени восприятия.

Для Я-дискурса существенны не только формы времени, но и способы номинации героя. И. Кубанова интересуется только местоимение *я* (*Я не понимаю выгод служить в департаменте; Я надел старую шинель и взял зонтик*), но в тексте Гоголя в автономинациях героя мы находим не только *я*, но и *мы*, и *он*, которые остаются в исследовании И. Кубанова без внимания. Формы первого мн. ч. возникают как способ 1) предъявления собственной стратегии при чтении писем Меджи (*Посмотрим на другой странице; Перевернем через страницу*); 2) возвеличивания себя в своих мечтаниях (*Погоди, приятель, будем и мы полковником; Заведем и мы себе репутацию еще и получше твоей*). Формы личного и притяжательного местоимений 1-го л. мн. ч. (*Что за бестия наш брат чиновник; У нас зато служба благородная*) соединяют Поприцина с социальным классом чиновников и служащих департамента.

Герой говорит о себе и в 3-м лице: *Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят!* Там, где, по мнению И. Кубанова, «побеждает вневременное Я», - в финале - появляется местоимение 3-го лица, а не 1-го. Следует ли признать, что Я-дискурс исчерпал себя?

Суть Я-дискурса состоит не в наличии предложений с местоимением *я*, а в том, что и другие предложения прочитываются через *Я* Поприцина. Речь идет о предложениях с отсутствующими показателями субъекта (в традиционной терминологии неполными):

Разбесил начальник отделения; Был в театре... Очень смеялся; Ходил инкогнито по Невскому проспекту; После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь. Большею частью лежал на кровати и рассуждал о делах Испании.

Отсутствие *Я* обнаруживает именно внутреннюю точку зрения, как и отсутствие дательного падежа в предложениях: *Хотелось бы заглянуть туда, на ту половину, где ее*

превосходительство; Посмотреть бы на ту скамеечку, на которую она становит, вставая с постели, свою ножку.

в «Записках» есть предложения, в которых отсутствие субъектной синтаксемы прочитывается в связи с *я, ты, мы*, которые представляют Поприщина-говорящего.

.. Я люблю бывать в театре, как только грош заведется в кармане, никак не утерпишь не пойти; Черт возьми, никак не слушается язык: скажешь только, холодно или тепло на улице, а больше решительно ничего не выговоришь; Посмотрим-ка еще в одно письмецо.

Даже тогда, когда в предложении появляется имя со значением класса (*Это совершеннейшие ослы (портные), притом же они совсем небрегут своею работою, ударились в аферу и большую часть мостят камни на улице; Правильно писать может только дворянин; Курские помещики хорошо пишут; Собаки народ умный, они знают все политические отношения; Письма пишут аптекари*), мы прочитываем эти обобщения Поприщина в отношении к нему самому. Эти фразы искусственны, они сохраняют только форму предложения, не могут служить обобщением жизненного опыта пишущего (классы, в отношении которых эти обобщения сделаны, слишком узкие, частные или не относятся к миру людей, отчего предикации,), они абсурдны, поэтому для читателя не несут собственно значения, а воспринимаются как свидетельства сумасшествия Поприщина.

В отличие от текстов дневниковой прозы, которые впускают читателя, «Записки сумасшедшего» - это текст, который мы читаем с дистанцией, так как у героя нет внутренней жизни, а его дневник – это способ «восстановления» попорченной личности.

Проведенный анализ текста Н.В. Гоголя убеждает нас в том, что простое перенесение грамматических абстракций на текст не приближает нас к авторскому замыслу. Грамматические категории глагола, предложения и текста не «философский концепт», а средство организации смыслового пространства текста.

Литература

Автоинтерпретация. Сб. статей под ред. А.Б. Муратова, Л.А. Иезуитовой. СПб., 1998.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

---

³ Об интерпретации дат в тексте «Записок сумасшедшего» см. (Лукин 1999).

- Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
- Григорьев В.П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., 1993.
- Евдокимова О.В. Мнемонические элементы поэтики Н.С. Лескова. СПб., 2001.
- Женетт Ж. Фигуры. Т. II. М., 1998.
- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. М., 1994.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебник для филол. спец. вузов. М., 1999.
- Лотман М.Ю. Автокоммуникация: я и другой как адресаты // Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. М., Человек – текст – семиосферы – история. М., 1996.
- Кубанов И. Пейзажи чувственности. Вариации и импровизации. М., 1999.
- Маслов Ю.С. Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в «эпическом» повествовании // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984, с. 22-42.
- Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. М., 2002.
- Николина Н.А. Филологический анализ текста. м., 2003.
- Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
- Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996
- Теория функциональной грамматики. Персональностью Залоговость. СПб, 1991.
- Уваров М. С. Архитектоника исповедального слова. СПб., 1998.
- Шмид В. Нарратология. М., 2003.
- Шпет Г. Философские этюды. М., 1994.

